

28. Программа курса «Отечественная история». Таганрог: Таганрогский радиотехнический университет, 2000.
29. Программа по курсу «История России». М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
30. Рабочая программа по дисциплине «Отечественная история». Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2006.
31. Рабочая программа по дисциплине «Отечественная история». М: МЭМИ, 2003.
32. Рабочая программа «Россия в мировой цивилизации». Волгоград: ВолгМУ, 2003.
33. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов. Брянск, 2000.
34. Отечественная история: конспект лекций / Семенникова Л.И. [и др.]. М., 2004.
35. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. М., 1991.
36. Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. М., 2005.

Е.А. Калеменева
Поморский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

СКАНДАЛ В «БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ»: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ СБОРНИКА «ВЕХИ» В 1909 ГОДУ

1909 год стал знаковым для отечественной общественной жизни начала XX века. В этот год разразилась дискуссия, охватившая практически все течения русской политической мысли. Она стала одним из самых известных интеллигентских споров начала столетия, отразив все разноцветие общественной и политической мысли предреволюционной России.

Поводом для полемики стал извечный вопрос о русской интеллигенции. Началось все с выхода в свет 16 марта 1909 года в Москве небольшого сборника «Вехи. Сборник о русской интеллигенции», в котором семь авторов, предварительно не сговариваясь относительно

содержания работ друг друга, изложили все «грехи» современной им интеллигенции. Анализ содержания сборника посвящен достаточно обширный пласт исследовательской литературы, потому не стоит в очередной раз подробно останавливаться на пересказе его статей. Этот сборник произвел настоящий эффект разорвавшейся бомбы в общественной жизни образованного слоя. Первый тираж сборника составил 3000 экземпляров, из которых за первые два дня было продано 2853. Затем, до начала 1910 года, он выдержал еще четыре переиздания. Общий тираж его достиг 16 000 экземпляров. Однако общественность не просто читала этот сборник, но и активнейшим образом обсуждала. Достаточно сказать, что сборнику было посвящено более трехсот статей в повременной прессе [18, с. 249], среди которых были даже стихи, пять книг различной политической направленности, полемизирующих с высказанными в нем идеями, несколько широких обсуждений в Москве и Петербурге, а также специальное турне по России П. Милюкова с публичными лекциями, направленными против «Вех».

Говоря о мировоззрении дореволюционной интеллигенции, современные исследователи зачастую сосредотачивают свое внимание только на сборнике «Вехи», во многом абсолютизируя его содержание и значение при попытке реконструкции умонастроений интеллигенции. Однако дискуссия, развернувшаяся после его выхода в свет, заслуживает не меньшего внимания, поскольку именно она обнажила всю разнородность общественного мнения начала века по ключевым вопросам, пестроту политической ориентации¹. Потому представляется необходимым проследить реакцию общественности на этот сборник, попытаться разобраться с вопросом, что явилось причиной столь бурного его порицания, что именно так возмутило в нем общественность. В процессе работы выяснилось, что на это был целый комплекс причин, к тому же сам ход дискуссии обеспечивал ее возобновление и еще большее усиление.

Не сказать, что общество раскололось в этой полемике на тех, кто «за», и тех, кто «против»: всем известно, что сборник большинством критиков был принят «в штыки». Причем судьями сборника высту-

---

¹ Большинство материалов околоревольюционной полемики опубликовано в антологии «Вехи: pro et contra», на анализе которых основана данная работа. Поскольку при анализе критических статей важно учитывать личность авторов, ссылки приведены на каждую использованную в исследовании статью, страницы указаны по антологии Вехи: pro et contra. СПб.: РГХИ, 1998.

пали не только представители радикального крыла, но и кадеты и реакционеры. На фоне столь резкого неприятия крайне редко звучали голоса одобрения, солидарности и поддержки, не считая статей самих «веховцев». Авторы критических статей буквально соревновались в остроте своих высказываний, колкости фраз и меткости замечаний. Поэтому анализ спектра мнений по поводу сборника стоит начать с причин неприятия сборника общественностью.

Первый вывод, к которому можно прийти при анализе публикаций дискуссии, состоит в том, что сборник в них далеко не всегда разбирали по существу. По меткому выражению Андрея Белого, печать ответила авторам не разбором, а «военно-полевым расстрелом сборника» [4, с. 256]. Одной из главных причин неприятия «Вех» стала печать ретроградности, которую тут же поставили на нем представители либеральной и радикальной общественности: сборник моментально записали в разряд реакционнейшей из книг [9, с. 342; 24, с. 187], «энциклопедии либерального ренегатства» [15, с. 489], «реакционной проповеди» [10, с. 54]. Причем критики могли даже мимоходом подтверждать «совершенную справедливость некоторых пунктов обвинения» [26, с. 44] в адрес духовного состояния интеллигенции. Но штамп реакционности, против которой всегда столь яростно выступала интеллигенция, для многих и был самым резким основанием для коренного неприятия сборника, потому не все уходило дальше констатации этого пункта. Все чаще звучали упреки авторов в том, что «от них несет нестерпимы зловонием реакции» [2, с. 161] в стремлении побрататься с Розановым и Столыпиным [17, с. 273], в том, что Дубровин уже ждет их в свой «Союз русского народа» [23, с. 187].

Авторов обвиняли в предательстве революционной идеи, идеи свободы и освобождения, поскольку лейтмотивом в «Вехах» шла рефлексия по поводу поражения революции 1905 г. и призыв к внутренней работе личности вместо активного «внешнего делания». Это послужило поводом для крайне резких нападок со всех сторон. И. Бикерман вообще отвергает тезис всего сборника, что «революция провалилась», утверждая, что, напротив, «произошли бесконечно важные изменения, <...> сделаны неотъемлимые завоевания и несомненные приобретения» [5, с. 229]. Некоторые авторы в своей критике реакционности сборника зашли дальше остальных, утверждая, что авторы «Вех» выступают не просто против русской интеллигенции, но и против всей русской демократии, против «демократического мирозерцания» [15, с. 490; 17, с. 266]. Масла в огонь подливал и тот

факт, что сборник встретил одобрение среди некоторых представителей консервативно-реакционного лагеря (А. Столыпин, Архиепископ Антоний (Храповицкий) и др.). Их похвала стала даже поводом для насмешек со стороны либерального лагеря.

Помимо этого, часто ругали не столько содержание сборника, сколько самих авторов, потому в некоторых статьях содержания сборника даже не касались. В данном разделе главной претензией к авторам был вопрос «А судьи кто?», ведь они посмели обрушиться с критикой на все идеологические стремления современной им интеллигенции, которая к тому времени была главным законодателем либерального общественного мнения посредством прессы, обладая фактически монополией в данной отрасли, и отличалась известной степенью самовосхваления в печати. Критики заявляли, что авторы не смели упрекать это мирозерцание, поскольку сами являются типичными интеллигентами, поэтому судьи сами повинны в грехах обвиняемых, поэтому «Вехи» – «типичный образец того самопоедания интеллигенции интеллигенцией же» [10, с. 55]. П. Боборыкин заявлял, что они не имели никакого морального права издавать этот сборник, поскольку одно дело – говорить «о своих грехах и повинностях, и другое дело – обличать своих собратий, принадлежащих, вдобавок, к тем же поколениям» [6, с. 70].

Некоторые критики, не оспаривая веховский тезис о глубочайшем кризисе интеллигенции после неудачи революции, осуждали авторов за то, что они своим творением буквально добивают лежащего [10, с. 54]. Д. Мережковский в данном случае приводит яркое сравнение с мужиками, добивающими лошаденку, из сна Раскольникова, где в образе мужиков выступают авторы сборника, лошади – русская интеллигенция, которая из последних сил, несмотря на удары хлыстов, тянет за собой повозку – России [23, с. 88]. Стоит отметить, что в этом также выражается типичная позиция самоописания представителей дореволюционной интеллигенции – защита «своего лагеря» от любых нападков на него и позиционирование себя в качестве главной движущей силы России. Эта реакция в очередной раз доказывает определенную «кружковость» и замкнутость интеллигенции как идеологической группы, нетерпимость другой точки зрения, в чем ее и обвиняли авторы «Вех».

Иногда критики цеплялись за противоречивость статей сборника, тем самым пытаясь доказать его несерьезность и абсурдность, при этом также избегая анализа его содержания. Уже упоминалось,

что авторы писали свои статьи без предварительного обсуждения их содержания, что и явилось вероятной причиной их разногласий. К примеру, Д. А. Левин в своей статье сравнивает авторов с мольеровскими врачами, которые, склонившись над больным, предлагают ему лекарства, противоречащие друг другу [21, с. 26]. Разногласие авторов между собой разочаровало и Льва Толстого [25, с. 210].

Естественно, в большинстве статей критики старались защитить и оправдать интеллигенцию в противовес содержанию «Вех». Многие авторы взамен веховского рисовали совсем иной – идеализированный образ интеллигенции, однако на этот раз и здесь не обошлось без противоречий, что зависело от политической и идейной ориентации авторов. К примеру, тезис о безрелигиозности интеллигенции встретил противоположные суждения: с одной стороны, Д. Мережковский утверждал, что, напротив, «стремлением к новой земле, к новому небу, к «Граду Божьему» проникнута наша интеллигенция» [23, с. 88].

Еще больший резонанс вызвал тезис сборника, касающийся осуждения отношения интеллигенции к народу – ее чрезмерного народолюбия. Одни критики соглашались с тезисом, что интеллигенция действительно безмерно далека от народа, поскольку существует «зияющая щель между их духовной жизнью» [9, с. 344], но предлагали иной выход из этого положения: ей самой стоит многому поучиться у народа, а не отходить от него². Другие, напротив, выступали в защиту народнического устремления интеллигенции, заявляя, что оно исходило «из великодушного чувства, из благородной идеи служения народу...» [7, с. 206] Третьи же вообще отрицали деление в России на народ и интеллигенцию – «народ стал интеллигенцией, интеллигенция влилась в народ» [8, с. 175]. Наибольший скандал и возмущение критики вызвала фраза из статьи Гершензона, которую критики «Вех» цитировали в усеченном виде, опуская первые слова: «Каковы мы [интеллигенция] есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще

---

² Дело в том, что не все народники отождествляли себя с интеллигенцией, а некоторые – открыто противопоставляли себя ей, как, к примеру, И.И. Каблиц в книге «Интеллигенция и народ» разводит по разным сторонам понятия «народничество» и «народолюбие», присущее интеллигентам [18]

ограждает нас от ярости народной» [11, с. 101]. Для многих критиков сборника весь он чуть ли не сводился к этой единственной фразе. Приводя ее, критики тем самым старались показать ярую реакционность сборника, оправдание антинародных тюрем.

Безусловно, споры критиков вызвало употребление авторами понятия интеллигенция, что в очередной раз вскрыло неоднозначность восприятия данного феномена. Известно, что авторы «Вех» в сборнике под этим понятием подразумевали лишь радикальных представителей (социалистов и большевиков), потому во время полемики некоторые высказывались, что термин в сборнике употреблялся некорректно [7, с. 206; 13, с. 451; 14, с. 438], слишком узко, тем самым веховцы совершали необоснованные обобщения. Исходя из этого, критиковали также за то, что, помимо грехов интеллигенции, авторы намеренно умалчивают о ее заслугах и достоинствах: они «камня на камне не оставляют из всего того огромного построения нашей образованности и культуры, которое российская интеллигенция воздвигла с таким трудом и жертвами в течение многих десятков лет» [10, с. 55]; несправедливо относятся «к прошлым и нынешним заслугам лучших элементов русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся к высоким социально-политическим идеалам» [2, с. 162]. Н.В. Устрялов, уже находясь в эмиграции в 1921 году, верно подметил: «Вехи изобразили всех русских интеллигентов как большевиков, и русская интеллигенция обиделась на них за это» [16, с. 22].

Еще один пункт обвинения в адрес авторов состоял в том, что они, констатируя глубокий кризис интеллигенции, не дают ответа на «самый жизненно-практический лозунг: “что делать”» [23, с. 86]. К примеру, Иорданский в статье «Творцы нового шума» писал: «Авторы “Вех” создали много шума, но и только. Никаких новых ценностей они не создали» [17, с. 271], ему вторил князь Шаховский: «они не делают никаких реальных указаний на выход из ее тяжелого положения или же дают указания слишком туманные, субъективные, а подчас и противоречивые...» [29, с. 48].

Любопытно, что яркая и наиболее желчная критика некоторых авторов связана с тем, что они негативно относятся к самой современной интеллигенции, и этот сборник считают типичным ее проявлением и выражением [8, с. 172; 12, с. 121]. Одна из характеристик сборника как истинно интеллигентского творения: «Малейшее переживание, самое мелкое чувство выносятся наружу и по-интеллигентски пре-

вращается в огромный вопрос общественного значения» [20, с. 151]. В данном случае также показательны слова М. Горького в его письме Е. Пешковой: «Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX века» – вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях» [12, с. 121].

Список защитников сборника оказался куда более скудным. Уже отмечалось, что, как ни парадоксально, большинство высказавшихся представителей консервативного крыла встретили сборник с радостью, воодушевлением и одобрением (А. Столыпин, архиеп. Антоний, кн. Трубецкой), как знак того, что «общество вновь склонило уши к служению правде нравственной и религиозной, которая одна только и сродна его душе» [3, с. 180]. Причиной такой благосклонности к сборнику зачастую также являлось резкое неприятие современной интеллигенции. К примеру, К.М. Милорадович сначала нещадно критикует интеллигенцию с разных сторон и лишь в самом конце статьи упоминает о «Вехах» как о «нежданной радости» [22, с. 413]. Вообще многие критики пользовались сборником как предлогом для изложения собственных мыслей относительно поднятых вопросов, при этом даже не предпринимая попытки полемизировать с авторами или одобрять их рассуждения.

Лишь некоторые авторы и не из консервативного лагеря были согласны со многими, хотя и не всеми утверждениями сборника, высоко оценили его значение. Наиболее явно и активно в защиту сборника высказался Андрей Белый, назвав «Вехи» замечательной книжицей [4, с. 255]; К. Чуковский говорит о том, что общество «глянуло в «Вехи» как в зеркало» [27, с. 382]; изредка звучало восхищение смелостью авторов [28, с. 331]. Лишь иногда подмечали, что «акт покаяния» веховцев – это не просто пессимистическое отчаяние, а призыв к исправлению, к новой жизни [26, с. 320]. Помимо всего вышперечисленного, были статьи, построенные таким образом, что их авторы не занимали ничьей стороны в этом споре, а лишь с иронией описывали эти схватки на страницах прессы, демонстрируя их безрезультатность [1, с. 91].

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод, что острая полемика вокруг «Вех» показала болезненность и неоднозначность вопроса о русской интеллигенции в начале XX века. Практически все критические статьи имели яркую эмоциональную окраску, из чего можно предположить, что сборник действительно попал в «болезненное место», раз вызвал столь яростные полярные оценки. Причем заметно,

что политические или идеологические воззрения критиков нередко оказывали серьезное влияние на оценку как сборника, так и интеллигенции как таковой. К тому же полемика, по сути, подтвердила один из тезисов «Вех» о кризисе современной интеллигенции и общественности в целом, вызванном результатами революции 1905 года (многие авторы подтверждали это, при этом давали иные трактовки причин и значения этого кризиса, поскольку придерживались различных воззрений относительно результатов революции). Эта дискуссия обнажила неоднородность и противоречивость идеологических воззрений общества по ключевым вопросам, вскрыла возможность яростной и самоотверженной борьбы за своих кумиров, неприятие даже тени «ретроградности», с одной стороны, и восприятие либеральных тенденций как угрозы для России – с другой. В целом она является одним из наиболее показательных примеров того, как один источник может вызывать столь различные интерпретации или как из одного утверждения могут получиться противоположные выводы.

Библиографический список

1. Musca Танцкласс // Вехи: pro et contra. СПб.: РГХИ, 1998. С. 91–94.
2. Айвазов И. «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 161–163.
3. Архиеп. Антоний. Открытое письмо авторам сб. «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 178–180.
4. Белый А. Правда о русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 255–258.
5. Бикерман И. «Отщепенцы» в квадрате // Вехи: pro et contra. С. 255–236.
6. Его же. Обличители интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 70–72.
7. Боборыкин П.Б. Подгнившие «Вехи» // Вехи: pro et contra. С. 201–207.
8. Боцяновский В.Л. Нечто о «трусливом интеллигенте» // Вехи: pro et contra. С.172–177.
9. Вольный Грех интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 342–345.
10. Геккер Н. Реакционная проповедь // Вехи: pro et contra. С. 54–58.
11. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
12. Горький М. О «Вехах» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 121.
13. Дан Ф. Руководство к куроводству // Вехи: pro et contra. С. 451–458.
14. Дживелегов А.К. На острой грани // Вехи: pro et contra. С. 429–444.
15. Ильин В. <В.И. Ленин> О «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 488–495.

16. Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М.: Наука, 1993.
17. Иорданский Н. Творцы нового шума // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 262–274.
18. К истории создания «Вех» // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 11.
19. Каблиц И.И. (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886.
20. Кольцов Д. Кающиеся интеллигенты // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 151–160.
21. Левин Д. А Мольеровские врачи // Вехи: pro et contra. С.26–35.
22. Милорадович К.М. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 404–415.
23. Огнев Н. О русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 86–89.
24. Посторонний «Бей интеллигенцию!..» // Вехи: pro et contra. С. 187.
25. Сапиро С. Л.Н. Толстой о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 210–212.
26. Трубецкой Е. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 319–330
27. Франк С.Л. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 42–47.
28. Чуковский К.С. Современные ювеналы // Вехи: pro et contra. С. 379–389.
29. Шагинян М. Еще о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 331–341.
30. Шаховский Д. Слепые вожди слепых // Вехи: pro et contra. С. 48–52.

А.В. Ермошин

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О РЕФОРМИРОВАНИИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Обострение социальных противоречий в Российской империи в начале XX века находило выражение и в различных обсуждениях и дискуссиях по острым вопросам общественной жизни. Одним из предметов обсуждения стала предполагавшаяся еще с рубежа XIX–XX вв. реформа среднего образования. По поводу ее высказывались различные суждения и предложения, касавшиеся как общей направленности отечественной школы, так и конкретного содержания учебного процесса. В этой связи, на наш взгляд, небезынтересно посмотреть, нашла ли в них отражение (и если да, то в какой степени) проблема наличия